

70-й
выпуск

— Ну что же (глубокий вздох), задавайте свои вопросы. Впрочем, первый я уже предвижу: «Что думает Антониони о киноискусстве?» Я не ошибся?

— Нет, дорогой маэстро, ошиблись. Вопрос другой: как вы относитесь к цифре тринадцать. Что о ней думаете?

Нет, я не сорициналинчал, хотя, честно говоря, крайне удивил своего собеседника. Он, судя по всему, не знал, что «Неделя» задает этот вопрос всем гостям своей традиционной страницы. Задает чаще всего в конце беседы. Но мне требовалось выиграть время. Пауза была довольно долгой.

— Тринадцать? Что же я думаю о тринадцати? Наверное, думая о тринадцати, я представляю себе цифру восемь. Почему? Потому, что если перед восьмеркой поставить единицу, а саму восьмерку разрезать по вертикали пополам и первую половинку отбросить, то получится требуемое число. Ну как, устраивает ответ?

Говоря по совести, я ожидал другого ответа. В Италии число 13 считается «счастливым». Его продают в виде золотых брелоков, чтобы носить на шею. Под этим номером квартиры в итальянских городах стоят подороже. А место в поезде, на пароходе и особенно в самолете, место номер тринадцать, кассиры приберегают для своих друзей или приятелей своих друзей... К тому же этаж, на котором жил Антониони в гостинице «Россия», тоже был тринадцатым. Но маэстро, видимо, этого не заметил.

— Что толкнуло вас, маэстро, на избранный вами путь? Как вы стали кинорежиссером? Может быть, мечтали об этом с детства?

— Нет, в детстве я «избрал» дипломатическую карьеру... И потом, кинорежиссером не становился по желанию. Это тяжелый, это просто мучительный процесс, который хотя и приводит иногда к желанной цели, но никогда не кончается. Я не считаю свою профессию специальностью, скорее — средством самовыражения, без которого человек, избравший сей весьма тернистый путь, не представляет себе, так сказать, земного существования.

Скажем, Бах, любимый мой композитор, не мог не сочинять своих фуг, хоралов и сонатин, потому что звуки, музыка переполняли его мозг, рвались наружу, требуя немедленного воплощения хотя бы на нотной бумаге... Кинорежиссер, на мой взгляд, не имеет права братья за дело, пока не переполнится неистовым желанием познать до конца ту или иную «вещь в себе» и сделать ее «вещью для всех». Такова концепция, которой я руководствуюсь в творчестве.

— Каков был ваш первый фильм?

— Первый, который я увидел на экране, или первый, который сам сделал?

— Нет-нет, именно первый фильм, сделанный вами.

— «Сумасшедший дом». А, вы, вероятно, не знаете... Я ведь начал свою кинокарьеру как документалист и первую ленту, которую представил на суд зрителей, назвал

Представлять нашего гостя, вероятно, так же излишне, как утверждать, что над Феррарой, где шестьдесят два года назад родился всемирно известный кинорежиссер Антониони, не бывает голубого неба. Кстати, небо Феррары более прозрачно, чем неаполитанское, потому что в этом тихом городке мало пока заводских труб и автомобилей — этого блага и зла (так считает Антониони) нашего индустриального и дымного века.

Киноленты Микеланджело Антониони обошли все экраны мира, начиная от первого художественного фильма «Хроника одной любви», вышедшего в 1950 году, и кончая самым новым — «Профессия: репортер», который был показан на нынешнем IX Международном кинофестивале в Москве. Все они, разные по характеру, но объединенные одной темой — темой отчужденности, безысходного одиночества человека в современном западном мире, сразу же обратили на себя внимание неповторимостью почерка художника.

При всей своей популярности Антониони до удивительности застенчивый и скромный человек. Его отнюдь, мягко говоря, не привлекает шумное и назойливое внимание прессы и многочисленной армии фоторепортеров, которые не дают покоя ни днем, ни ночью.

Нелегко, скажем прямо, было заполучить в гости знаменитого маэстро, несмотря на давнее знакомство с ним еще по Риму и весьма милую беседу в Вечном городе, которую посчастливилось вести, правда, запрятав предварительно в карман свой журналистский блокнот.

На этот раз [для быстроты дела] у меня в руках был портативный магнитофон, который, как это иногда случается, заело в самом начале разговора... Но Антониони терпеливо ждал и был снисходителен.

— Каких актеров вы выбираете?

— Самых-самых талантливых, а как же иначе?

— Можете ли кого-нибудь выделить среди итальянских актеров?

— Тех, которые снимались в моих фильмах.

— А среди советских?

— Тех, которые будут сниматься у меня...

— Но все-таки какого киноактера или киноактрису вы считаете самым (или самой) выдающимся?

— Абсолютно идеального киноактера в природе не существует. Один хорош в одном фильме, другой — в другом. Нет и, полагаю, не будет идеального актера-универсала.

— Маэстро, какие музы наиболее близки вам, помимо кинематографа?

— Кинематограф. Иначе я не посвятил бы ему всю свою жизнь.

— И все же, если говорить, так сказать, о втором, о третьем плане?

— Встречи с коллегами, дебаты, воспоминания. Я очень люблю наблюдать лица, выражение глаз даже случайных прохожих, их походку, улыбки... Как и раньше, восхищался Ленинградом — вашей «Северной Венецией». Как и раньше, испытал огромное удовлетворение, бродя по залам ленинградских сокровищниц искусства.

— И, наконец, последний вопрос, маэстро: как вы относитесь к журналистам?

— По-разному...

— Но вы их любите?

— Некоторых...

— Каких же именно?

— Тех, которые берут самые короткие интервью.

— Однако ваша последняя кинолента рассказывает о судьбе журналиста, который брал

МИКЕЛАНДЖЕЛО АНТОНИОНИ

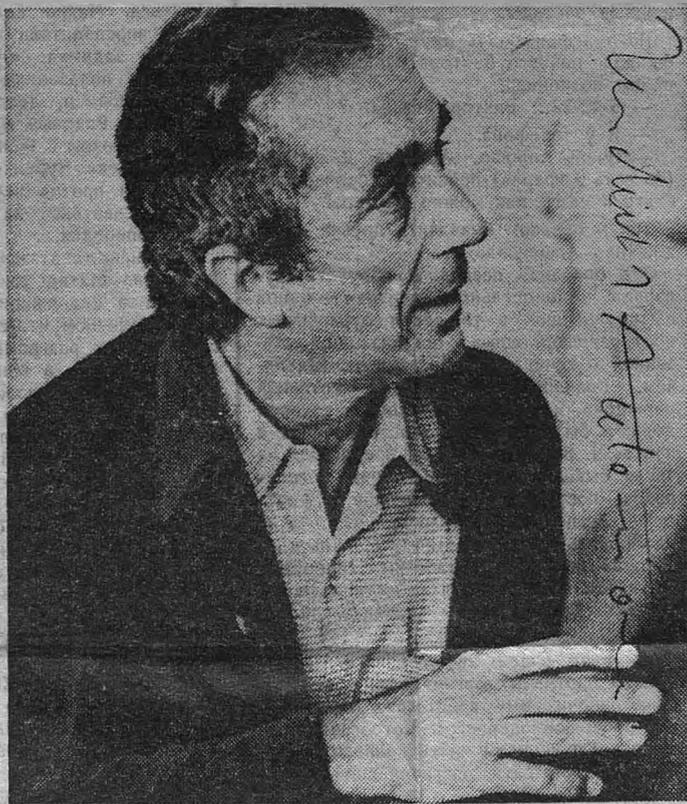
«Сумасшедший дом». Как вы понимаете, показывались в ней не только психиатры... Но с моей затеей ничего не вышло, фильм провалился на первом же просмотре. В зрительном зале наступило что-то вроде тотального шока. Некоторые из сидевших там упали в обморок. Пришлось зажечь свет и прекратить демонстрацию. Охотников приобрести мою первую работу, как вы можете догадаться, не нашлось. Таков был мой режиссерский дебют. Неудачный. Но, заметьте, он отнюдь не обескуражил, а, наоборот, вдохновил меня. Открыл в некотором смысле дорогу к неореализму.

Что ж, Микеланджело Антониони не без оснований считался одним из ярких представителей неореалистического направления в итальянском кино. Свообразным, с собственным, присущим лишь ему трагическим видением судьбы человека в буржуазном мире, ее иррациональности, оскудения духовной жизни людей, их оторванности от окружающего мира, отчужденности и крайнего эгоизма.

— Скажите, какой из ваших фильмов наиболее дорог вам самому?

— Мог бы ответить стандартно: тот, который еще не сделал. Но это не так. Каждый из моих фильмов дорог мне по-своему, ибо эти фильмы существуют не сами по себе, а в совершенно определенном времени и совершенно определенных обстоятельствах, которые их породили. Я не стал бы братья за работу, если бы не существовало того потрясшего меня события или того необыкновенного факта, о котором необходимо было рассказать людям, заставить их задуматься, сделать для себя какие-то выводы...

— Кого вы считаете самым выдающимся служителем искусства?

— Трудный вопрос... В разные периоды жизни мое восприятие гениальных индивидуальностей было неодинаковым, менялось. Я очень много читаю, слушаю, смотрю. Что-то уходит на второй план, что-то забывается вовсе, что-то ассимилируется в мыслях... Нет, некоего универсального, или, как вы говорите, «самого выдающегося», из артистических гениев, которых сопровождал бы меня всю жизнь, назвать не в силах. Не взыщите.

— Иногда говорят, что вы предпочитаете для своих кинофильмов не профессиональных актеров, а людей из толпы, с улицы.

— Ну почему же, я люблю больше работать с профессионалами.

— Живопись, музыка... Я их воспринимаю и понимаю лучше всех остальных муз. Из художников мне ближе всех Пикассо, из живописцев — мастера кисти начала XX века — Кандинский, Шагал. И всю жизнь потрясает меня неповторимое чудо, которое зовется Андрей Рублев.

— Что скажете о нынешнем Московском международном кинофестивале?

— Очень хорошо, что мы встретились просто как люди и обменялись творческими идеями как художники, через экран. Я вообще за общение — будь то в космосе или на Земле. Оно, это общение, всегда приносит свои прекрасные плоды.

— Что особенно запомнилось вам на фестивале?

довольно-таки длинное интервью.

— Правильно. Потому что я сам был репортером, когда оказался в Африке, и знаю, что это собачья работа.

— Фильм «Профессия: репортер» навеян воспоминаниями об этом периоде работы?

— Отчасти да. Особенно дикой жарой, которая стояла в пустыне.

— Как вы определяете основной замысел этой своей картины?

— Вы ее видели?

— Да. Но это, конечно, еще не ответ?

— Нет. Мой герой, каким я его представляю, с его жизненными концепциями, — репортер, который оказался в необычных условиях и ситуациях. Его поведение в этих обстоятельствах и финал, когда с ним расправляются убийцы, — это неизбежность, она должна была наступить. Если кинолента вызывает иные мысли и ассоциации, то тем лучше. Как говорят, в спорах рождается истина. Быть может, это тот случай?

— Тогда вопрос сверх нормы: ваши планы на ближайшее будущее?

— Пока никаких. Беспредельно устал. Хочу отдохнуть.

Осталось лишь поблагодарить Микеланджело Антониони за беседу и передать читателям «Недели» его наилучшие пожелания вместе с фотографией, подаренной им редакции на память, с его автографом.

Гостя расспрашивал
Леонид КОЛОСОВ.